

ГЕРОЙ ВЧЕРАШНИХ ДНЕЙ

Федор Дунаевский. Иван из нашумевшего в 80-е годы кинофильма "Курьер": фельдшер "скорой помощи", дворник детского сада, посудомойщик из израильского кабака, начальник рабочей кухни, бармен для одиноких евреев, основатель челночного движения, грузоперевозчик в "Домодедово". А еще он гражданин иностранного государства. Отец двоих детей. Ученик Сергея Соловьева.

"Актера, сыгравшего в фильме Базина, "мусора" замочили".

За свои 35 лет Федор успел сделать столько, что многим на подобные подвиги не хватило бы и жизни. Большую часть времени он прожил на Западе. Но вот уже около двух лет Дунаевский пытается снова завоевывать столицу. Мы встретились в его стильной квартире в самом центре Москвы. Мне открыла домработница Федора Марина:

— Федя звонил, просил передать, что задерживается, — улыбнулась она. — Я его знала еще совсем мальчиком. За годы, проведенные на Западе, он сильно изменился. От прежнего сентиментального юноши не осталось и следа...

— Федор, на съемки "Курьера" тебя привела Настя Немолова, сыгравшая в картине твою возлюбленную, Катю?

— Никого она не приводила. Настя отдала мою фотографию на "Мосфильм", после чего меня пригласили на фотопробы. Через месяц меня утвердили на роль. Кстати, Шахназарову пришлось с боем отстаивать мою кандидатуру перед худсоветом. Члены худсовета считали меня профнепригодным, к тому же они пребывали в шоке от моего флегматичного характера.

— У тебя самого не возникало сомнений, что ты вряд ли осилишь главную роль?

— Когда я прочитал сценарий, то понял, что это "детский сад". Вот если бы мне предложили сыграть Ромео, который должен рыдать над Джульеттой, когда она "дубу врезала", это оказалось бы сложнее. А в "Курьере" не было ничего трудного. Тем более в моей жизни на тот момент сложилась похожая ситуация. Незадолго до съемок фильма мои родители развелись...

— Когда-то ты сказал, что тебе не составило особого труда сыграть роль Ивана, потому что ты играл самого себя?

— Неправда, сыграть самого себя невозможно, тем более 17-летнему парню. Вообще, несколько отличался от поколения 80-х годов, к коему относился Иван. Я никогда не любил массовое скопление народа, а предпочитал уют и тишину. Я не ездил гулять на Арбат с пьяными лохами, не писал фломастером или угольком от сигарет надписи типа "Цой жив".

— Как тебе работало на съемочной площадке с такими мэтрами, как Чурикова, Крючкова, Басилашвили?

— С Крючковой у нас сложились прекрасные отношения, мы потом в Питере с ней часто пересекались. С Басилашвили мы подружались уже после фильма. А вот с Инной Чуриковой работало нелегко. Например, она могла меня что-то спросить, и когда я начинал ей обстоятельно отвечать, пыхтеть, лыжиться, она обычно не дослушивала до конца и отправлялась по своим делам. В свою очередь, я мог сделать ей замечание. То, что она народная артистка, это можно было "в трубочку свернуть". Да, она горячо любимая народом, но есть общепринятые нормы приличия, которые все должны соблюдать. Вообще, когда в России начинают "звездить", это довольно смешно выглядит.

— Ты никогда не "звездил"?

— Когда люди во мне подозревают звезду, я могу им подыграть. Когда-то я был чудовищно популярен. Меня это сильно раздражало. Я не мог ездить в метро. Ко мне постоянно подходили люди и расспрашивали про мою жизнь.

— Сколько тебе заплатили за съемки в "Курьере"?

— Я получил три раза "постановочные", что в истории советского кинематографа не случилось никогда. Первое постановочное вознаграждение — 400 рублей — выплачивалось всем творцам, которые принимали участие в съемках картины, включая главных героев. Вторые постановочные, так называемые прокаточные, выдавали, когда фильм выходил в прокат. А у нас был такой мощный прокат, что я получил два раза по 400 рублей. За съемочный день мне платили мизерные деньги — 7 рублей 50 копеек. Это довольно смешно. Потому что Басилашвили за один день получал 112 рублей. Мне платили незначительно мало. Однажды на "Мосфильм" приехал Том Круз. Мы разговорились. Он думал, что

КАРЬЕРА

**Федор Дунаевский:
"Я давно ушел из большого
спортивного секса
на тренерскую работу"**

я миллиардер, и проникся ко мне некоторым уважением, но я быстро разочаровал его.

— Ты запросто общался с актерами такого высокого уровня? Неужели у тебя не возникало ощущения, что ты еще не дорос?

— Почему у должен кого-то стесняться? Почему я не дорос до них, может быть, это они не доросли до меня?

— Ты способен эпатировать публику, как это делал Иван?

— Я не люблю эпатаж. Это не мои методы.

— На съемках высказывал свое мнение?

— Я всегда высказываю собственное мнение — хотя того режиссеры или нет. В картину "Курьер" вошло много моих фраз. Например, помните момент, когда я обращаюсь к Басилашвили: "А можно я вас буду папой называть?"

— Доволен конечным результатом?

— Я картину от начала до конца не смотрел.

— На Московском кинофестивале с номинацией фильма "Курьер" произошла какая-то скандальная история?

— Председателем жюри на том фестивале был Роберт Де Ниро. После просмотра фильма он сказал: "Я хочу этого парню дать приз за лучшую мужскую роль". С советской стороны в жюри присутствовал Георгий Данелия, он выступил против моей кандидатуры. Очевидно, Данелия выполнял волю Госкино, поэтому заблокировал решение председателя жюри.

— Ты работал с Эльдаром Рязановым в картине "Дорогая Елена Сергеевна" и "Небеса обетованные". Какие отношения сложились у тебя с этим режиссером?

— В то время, когда снимали фильм "Дорогая Елена Сергеевна", я работал параллельно над картиной "По дорогам войны". Съемки этого фильма проходили в Одессе. Поэтому у меня всегда в кармане лежал билет Москва—Одесса. В этой ситуации у Рязанова было "право первой ночи", и поэтому одесским режиссерам приходилось мнe ждaть. Рязанов же мог по шесть часов держать меня в соседнем павильоне, пока снимали другие эпизоды. "Иди гуляй, но далеко не уходи. Когда понадобится, мы тебя позовем", — говорил он. Я долго терпел, но потом сорвался: "Сколько это вообще будет продолжаться?". После моих слов Эльдар Александрович закатил истерическую сцену: "Слишком рано началось у тебя замашки кинозвезды! Я сделаю тебя неснимаемым". На что я ответил: "А с чего вы решили, что я хочу сниматься, что мне это надо?". Правда, потом мы помирились.

— Тебе досталась такая незаметная роль в "Небесах обетованных"...

— Роль была гораздо больше, ее вырезал сам Рязанов. Я тогда уехал в Израиль, и он испугался, что у него возникнут неприятности с фильмом, если мою роль оставят. В итоге меня вырезали практически полностью.

"Меня напугали страшные бабищи"

— Федя, правда, что из школы тебя выгнали после девятого класса?

— Меня никто не выгонял, я сам ушел. Мне необходимо было зарабатывать на жизнь, для этого нужно было учиться там, где платили стипендию. Тогда я решил поступить в педучилище. Но там меня напугали страшные бабищи, которые слонялись по коридорам училища. Я подумал, что таких бабищ там будет несколько сотен, и сбегал оттуда. Когда вернулся обратно в школу, мне сказали, что девятый класс уже укомплектован, так что "иди, парень, гуляй". Я поступил в медучилище и отправился работать фельдшером на "скорую помощь". В училище я получал повышенную стипендию — 42 рубля, а за работу санитаря мне платили 80 рублей.

— Самое яркое воспоминание?

— Пациенты постоянно пытались отблагодарить моего врача. В основном больные таскали коньяк. У доктора была язва желудка, мне только исполнилось шестнадцать лет. Так что коньяк никто из нас не употреблял. Как правило, пациенты покупали спиртное в гастрономе, который находился напротив нашей больницы. Мне удалось договориться с товароведшей, чтобы я приносил ей подаренные бутылки обратно, а она возвращала мне часть денег.

— Какие вещи трогают тебя до слез?

— Мы, фельдшеры "скорой помощи", — люди сентиментальные! В детстве меня учили, что мальчики не плачут и не играют в куклы. Это неизбежный груз, который я нес всю жизнь. И что-то переделывать уже поздно.

— Почему тебе приходилось подрабатывать, ты нуждался в деньгах?

— Я жил с мамой. Она подолгу лежала в больницах, и я часто оставался один. У отца денег не брал. Я начал работать с четырнадцати лет. Недалеко от моего дома находился детский сад для глухих детей. Я там подрабатывал дворником — "в одну харю" убирал территорию детского сада, получал полторы ставки — 135 рублей. Вечерами в подвале мы с приятелями играли рок-н-ролл. Так как все дети были глухими — им было все равно, а воспитателям нравились наша музыка. Они часто спускались в подвал, выпивали, кого-то из нас соврашали. Там, в подвале, была одна комната, которая доверку была забита детскими матрасиками. Так на этих матрасиках половина юго-запада столицы лишилась девственности.

"Всю жизнь я зарабатывал безумные деньги"

— Почему ты эмигрировал в Израиль именно в тот момент, когда у тебя здесь все складывалось довольно неплохо?

— Да, я уехал из сладкой ситуации. Это был 1991 год. На тот момент я был известным актером, я не голодал, не бедствовал — у меня уже была высокая ставка на "Мосфильме". Но здесь жить было невозможно! В Союзе нечем было дышать. Мне надо было спасать себя. Потому что, если бы я не эмигрировал тогда, со мной наверняка что-нибудь случилось. Помните Володю Смирнова, который в "Курьере" играл моего приятеля Базина? Его убили несколько лет назад. Вовка Смирнов был тяжело-весом. Его "мусора" замочили. Со мной могло случиться то же самое. Не факт, конечно, но такие вещи люди, как правило, чувствуют. В Союзе воняло тухлятиной! Мне было совершенно непонятно, зачем сидеть в этой помойке. Мне было тягостно заходить в метро, смотреть телевизор...

— Захотелось красивой жизни?

— К этому я как раз спокойно относился. Пом-

— Зарабатывал немного?
— Очень много. Всю жизнь я зарабатывал безумные деньги. Мир полон дураков и идиотов — с их помощью можно делать огромные бабки.

— В 1991 году ты уехал в Израиль. Тебе предложили работать в русском театре, но ты отказался — почему?

— Меня приглашали посмотреть в русский театр. Я отказался, не хотел, чтобы они меня смотрели. В кино и театре я сыграл столько, что новому режиссеру показываться не должен. Тем более что я его работ не видел. Он должен был показываться мне. Вообще, это абсурд: в Израиле работать в русском театре!

— Зато работой на стройке ты не безработовал?

— На стройке я проработал всего два дня. Ушел из-за того, что там сложилась непростая психологическая обстановка, да и сама работа оказалась безумно тяжелой. Вместе со мной работали араб, бухарский еврей и еврей из Свердловска. Несколько часов мы разгружали фуру с тяжелой плиткой, после чего не могли поднять ни руку, ни ногу. Вечером начали друг другу жаловаться. Но сожалеть о случившемся в данной ситуации мог только один человек — еврей из Свердловска, бывший начальник снабжения завода "Уралмаш". В 1990 году он испугался погромов и всей семьей ломанулся в Израиль — искать светлого будущего. Что могли рассказать о себе бухарский еврей и араб, вы понимаете?.. Мне стало грустно от этих рассказов. И на третий день я получил расчет. Это было довольно приличные деньги.

— Следующая ступень в твоей карьере — рабочий на кухне?

— Рабочим на кухне я проработал месяц и сделал там фантастическую карьеру. Мы обслуживали банкетный зал, в котором проводились свадьбы. Сначала я работал там официантом, но мне не понравилось, как со мной обращаются. И я устроился рабочим. Через неделю, путем хитроумных интриг и обманов, я стал начальником рабочей кухни. В подчинении у меня было три бухарских еврея и три араба-мусульманина. Управлять этими людьми было сложно. Никто из них не говорил ни по-русски, ни по-английски. В результате, не буду рассказывать какими методами, через три дня они заговорили на московском сленге. Через некоторое время меня перевели за барную стойку. Это уже "вышак".

— Чтобы работать барменом, надо обладать какими-то определенными навыками?

— Там было все просто. Торговали только джин-тоником. Я из одной пластмассовой бутылки наливал джин, из другой — тоник. На этом месте я продержался три месяца. Потом произошел печальный случай. Со мной работала моя девушка. Однажды она состроила глазки директору. Он ущипнул ее за задницу. Я был вынужден дать ему в челюсть, после чего его в глубочайшем шоке увезли в больницу. А меня отправили в полицию, даже хотели посадить в тюрьму. Я тогда сказал им: "Я с удовольствием посижу в израильской тюрьме, потому что я давно не ел и хочется где-то спать, а за квартиру платить мне нечем". Они поняли, что с таким человеком лучше не связываться, и отпустили меня на все четыре стороны.

— Насколько я знаю, уже будучи известным израильским актером, ты не бросал работу в ресторане?

— Когда меня на израильских светских тусовках спрашивали: "Чем вы, Федор, занимаетесь?" — я отвечал, что занимаюсь керамикой. На самом деле тогда я работал посудомоем в ночном ресторане. Работа была нелепая. Грязную посуду мыла посудомоечная машина. Я же в своей комнатке слушал "Аквариум" и курил. Малина! Да еще за это платили деньги!

— Не тяжело было совмещать работу в театре и в ресторане?

— Я не мог отказаться от дармовых денег. В последнее время я работал барменом в частном клубе, где собирались пожилые, одинокие или несчастные в браке люди. Я зарабатывал по двести долларов чаевых за ночь. Однажды я на улице случайно столкнулся с Михаилом Козаковым, и он пригласил меня на маленькую роль в "Поминальной молитве". Репетиции проходили днем. Вечером я был свободен. Я жил один и не мог вечерами спокойно смотреть телевизор, зная, что в баре меня ждут люди, готовые заплатить деньги. Из ресторана мне пришлось уйти, когда мы начали ездить на гастроли. Позже я стал озвучивать фильмы, вел авторскую передачу на радио, снимался в молодежном сериале...

— На каком языке ты общался с израильскими?

— Я в совершенстве выучил иврит. Причем в России мне пришлось восстанавливать профессиональную русскую речь, убирать акцент.

— В "Курьере" у тебя гнусавая речь...

— Это работа Шахназарова и звукорежиссера. Мало кто знает, что на "Мосфильме" я озвучивал Абдулова и других наших известных актеров. Как правило, у наших "звезд" было время сниматься, но не было времени озвучивать.

"Половой акт у меня становится поводом для женитьбы"

— Ты все время говоришь о деньгах, работе, — а как обстоят дела с личной жизнью?

— У меня двое детей: дочке восемь лет, сыну — десять. Сын живет в Италии, дочь — здесь, с моей бывшей женой. Официально я был женат два раза, и оба раза жил гражданским браком. Моя первая жена — русская, вторая — украинка, но живет в Израиле. Последняя, неофициальная, — итальянка белорусского происхождения.

— Ты любвеобильный человек!

— Нет, скорее это говорит о моей скромности и целомудренности, не побоюсь этого слова. У меня, как правило, половой акт становится поводом для совместной жизни или женитьбы. Я уже давно ушел из большого спортивного секса на тренерскую работу.

— Ты хороший отец?

— У моих детей спроси. Вот сегодня у дочери день рождения — поеду поздравлю. А вот сына я в этом году забыл поздравить с этим праздником, но он вроде не обиделся.

— Опять ведь обзаведешься семьей. Сомневаюсь, что какой-нибудь женщине понравится такая кочевая жизнь...

— Я не хочу иметь никакой семьи! Я больше не хочу рожать детей!

— По каким причинам ты можешь расстаться с женщиной?

— По разным. Но перво-наперво я считаю, что люди должны быть интересны друг другу. Со временем это чувство проходит. И дальше уже не понятно, ради чего сохранять отношения.

— Кстати, возвращаясь к твоей звездной роли. Твой роман в "Курьере" с Настей Немоловой не перекат в личную симпатию?

— Настя нравилась всему класу, а мне почему-то нет. Я ее вообще редко видел в школе: она подолгу снималась и подолгу болела.

"Нужно быть эксгибиционистом, чтобы работать в театре"

— Тебя называют учеником Соловьева?

— Когда я приехал сюда в отпуск, то в ресторане Дома кино случайно столкнулся с Сергеем Соловьевым. Он предложил мне поступить во ВГИК на его курс. Отучился я всего три года. С Соловьевым мы тогда практически не расставались. Я ездил с ним на все мероприятия, мы вместе монтировали фильмы — я сидел рядом, задавал вопросы, пальцами трогал пленочку. Я действительно был его учеником. А потом я надолго ушел из кино...

— И устроился работать в аэропорт "Домодедово"?

— Там я занимался грузоперевозками.

— Ты перепробовал столько профессий — никогда не хотелось поработать в московском театре?

— Нужно быть эксгибиционистом, чтобы выворачиваться наизнанку за гроши, где на тебя будет смотреть обожравшееся быдло. Меня это торкает, я и так себя прекрасно чувствую.

— У тебя все так легко складывается?

— Конечно, получилось сделать сказочную карьеру в банкетном зале и стать начальником рабочей кухни.

— Однажды ты сказал: "У меня появились новые друзья, а со старыми пришлось расстаться". А как же поговорка "старый друг лучше новых двух"?

— Это вопрос возраста. Люди активно дружат, когда им по шестнадцать лет. А когда ты работаешь, занимаешься делами, у тебя не остается времени на дружбу. Я не люблю обязательного общения, я не люблю постоянно поддерживать отношения, мне это тягостно. Я не могу позвонить человеку и просто поздравить его с днем рождения. Я вообще не признаю никаких дней рождения и сам ни от кого не жду никаких звонков — мне это не нужно. Дело не в том, что я невежлив. Я вежлив, потому что воспитывался в интеллигентной московской семье, но я не признаю этих обязательных атрибутов!

— Тебя до сих пор узнают на улице?

— Редко. Но недавно меня узнал таксист и согласился подвезти бесплатно.

— Чем сейчас занимаешься?

— У меня разные сферы деятельности. Есть рекламное агентство, продюсерский центр.

— А еще у тебя огромная квартира в центре Москвы, дорогая машина... Ты богатый человек?

— Машина — это важно, она обеспечивает мою безопасность. А безопасные машины, как правило, дорогие. Насчет богатства... Конечно, я богатый. Хотя непонятно, с чем и с кем сравнивать. Все, что у меня есть, нажато непосильным трудом. Все это я заработал сам.

Ирина БОБРОВА.

МИХАИЛ КОЗЯКОВ

ните времена, когда в магазинах не продавали икру? Да ну и не надо, не ем я эту гадость соленую. Зато продавали рис. Очень хорошо! Еще продавали синопных кальмаров. Также меня не напрягали очереди в магазинах. Но я не мог сидеть и смотреть, как Сахарову плюют в спину депутаты, избранные народом. И как уважаемый мной человек Олег Басилашвили находится в том же зале.

— Но у тебя здесь оставалась мама?

— Маму я забрал с собой. Я отправил ее по туристической визе, поэтому она сохранила советское гражданство. А я стал гражданином Израйля. Поэтому сейчас я в любой момент могу сесть на самолет и улететь.

— Там ты сменил кучу профессий?

— Сначала я жил в Западном Берлине у одноклассника Карла. Там я продавал книги, самовары, часы, которые привозил из Союза. Все это барахло я сдавал в антикварный магазин: Карлуша там обо всем договорился. Это были зачатки челночного движения. По ночам я играл в кабаках. Я закончил музыкальную школу и неплохо играю на скрипке и трубе.

"На съемках картины у меня не сложились отношения с Инной Чуриковой".